

ПУБЛИКАЦИИ

ДОКУМЕНТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПО ВОПРОСУ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ ФРАНКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ (1928-1929)

Перевод с итальянского языка¹

Публикация Т.П. Нестеровой

НОТА ПОСЛА ФРАНЦИИ В РИМЕ БОМАРШЕ ГЛАВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИТАЛИИ МУССОЛИНИ²

Рим, 21 декабря 1928 г.

Во время бесед с Вашим Превосходительством, касающихся отношений между нашими странами, Вы выразили желание того, чтобы между нашими странами было заключено соглашение о дружбе и арбитраже, к которому бы были присоединены три других соглашения. Первое -- касающееся исправления границы Триполитании и французских владений в Африке; второе -- касающееся статуса итальянцев в Тунисе; третье -- касающееся статуса Танжера.

Соглашение, подписанное 25 июля прошлого года Францией, Италией, Великобританией и Испанией, которое было ратифицировано 14 сентября и которое вступит, без сомнения, в силу 15 января будущего года, удовлетворило требования Королевского Правительства, касающиеся режима Танжера. Правительство Республики радо оказать помощь в содействии целям Итальянского Правительства, и тем самым выразить свои наилучшие чувства, с которыми оно и приступило к текущим переговорам.

Я имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что проект соглашения об арбитраже и дружбе, который я Вам вручил 6 августа прошлого года, указав, что он имеет официальный характер, должен отныне считаться официальным проектом договора, врученного французским правительством.

Я прилагаю к данному письму два проекта соглашения, касающегося границ Триполитании и статуса итальянцев в Тунисе. Я хочу надеяться, что эти два документа, составление которых было основано на желании французского правительства примирить интересы наших стран, встретят одобрение Вашего Превосходительства, и что сможет быть реализован договор, регулирующий нерешённые вопросы, который утвердит заново и укрепит традиционные связи, которые объединяют Францию и Италию.

¹ Перевод выполнен А.В. Подчиненовой, отредактирован и выверен Т.П. Нестеровой

² I Documenti diplomatici italiani (DDI). Ser. 7. T. 7. N 121.

**ПРОЕКТ ДОГОВОРА МЕЖДУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ
И ИТАЛЬЯНСКИМ КОРОЛЕВСТВОМ
О ПРИМИРИТЕЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЕ В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
МЕЖДУ НИМИ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ**

Президент Французской Республики и Его Величество Король Италии, руководствуемые общей заботой о всеобщем мире, на основе существующих договоров, движимые чувствами взаимной дружбы, которая так счастливо объединяет французскую и итальянскую нации,

желающие дать своим странам новые гарантии того, что мир между ними не будет никогда нарушен,

убеждённые в том, что искомый результат не может быть достигнут без принятия должных мер по обеспечению взаимного уважения прав каждого государства и справедливого примирения взаимных интересов,

уважая арбитражную Конвенцию, подписанную в Париже 23 декабря 1903 г. и успешно продлённую 24 декабря 1908 г. и 24 декабря 1913 г.,

желающие найти пути к урегулированию разногласий, какими бы они ни были, если они могут привести к разрыву между двумя странами,

Решили заключить договор...

Статья 1.

Правительство Французской Республики и Правительство Его Величества Короля Италии согласны объявить, что в случаях, когда между ними появятся противоречия во взглядах или разногласия любого происхождения, они будут искать урегулирования только мирным путём, и никогда не подорвут дружбы между двумя нациями применением силы.

Статья 2.

Все споры между Италией и Францией, какого бы происхождения они ни были, в рамках которых стороны оспаривают право и которые не могут быть решены, по взаимной договорённости или обычными дипломатическими процедурами, будут представлены на судебное разбирательство, либо арбитражному трибуналу, либо международному суду, так, как это предусмотрено. Решено, что принципы, указанные выше, соответствуют статье 13 Договора о Лиге Наций. Это положение не применяется и не распространяется на те вопросы, решение которых уже было предусмотрено до подписания настоящей конвенции.

Статья 3.

Если речь идёт о вопросе, суть которого и предмет которого, в соответствии с внутренним законодательством одной из сторон, находятся в компетенции национального суда этой страны, вопрос будет подвержен процедуре, предусмотренной данной конвенцией только после его рассмотрения в национальном суде в разумные сроки.

Статья 4.

Перед любой арбитражной процедурой, или перед тем, как попасть в международный суд на рассмотрение, спорный вопрос должен будет, по взаимному соглашению сторон, быть представлен, с целью его урегулирования,

в международную комиссию, называемую комиссией по примирению, организованную в соответствии с данной конвенцией.

Статья 5.

Комиссия по примирению, предусмотренная предшествующей статьёй, будет состоять из пяти членов, которые будут назначаться следующим образом: Правительство Италии и Правительство Франции будут назначать каждое по комиссару, выбранному среди уважаемых поданных своего государства, и будут также приглашать в соответствии с общим соглашением, трёх других комиссаров из граждан третьих стран; эти трое комиссаров должны быть разных национальностей, и из них Итальянское и Французское Правительства назначат президента комиссии.

Комиссары назначаются сроком на три года с правом переизбрания. Они остаются при выполнении своих обязанностей до замещения и, во всех случаях, до истечения срока их мандата. Необходимо разработать процедуру замещения, неожиданно освободившихся мест, должностей в случаях смерти, отставки или какой-либо другой причины.

Статья 6.

Комиссия по примирению будет собрана через три месяца после вступления в силу данной конвенции.

Если назначение комиссаров не произойдёт в установленные сроки, или, в случае замещений, через три месяца после освобождения должности, стороны обратятся к Президенту Швейцарской Конфедерации с просьбой, при отсутствии каких-либо других соглашений, произвести необходимые назначения.

Статья 7.

Дела в комиссию по примирению будут направляться в форме письменных просьб, адресованных президенту двумя сторонами, действующими по взаимному согласию, либо одной из сторон.

Просьба, помимо изложения сути спорного вопроса, должна содержать предложение комиссии приступить к мерам, которые могли бы привести к разрешению противоречий.

Если просьба исходит от одной только стороны, другая сторона должна быть немедленно уведомлена об этом.

Статья 8.

Через две недели после того, как комиссия по примирению получит на рассмотрение и решение вопрос, каждая из сторон может, с целью тщательного изучения этого вопроса, заменить своего комиссара человеком, обладающим специальными знаниями по данному делу. Сторона, которая воспользуется этим правом, должна немедленно известить другую сторону; и другая сторона, в свою очередь, имеет право в течение двух недель с момента получения извещения поступить таким же образом.

Статья 9.

Комиссия по примирению имеет своей задачей разъяснять спорные вопросы, собирать для этого всю информацию, которая может быть полезной, путём расследования, или каким-либо другим способом, и прилагать все усилия к тому, чтобы примирить стороны. Комиссия может, тщательно изучив дело, изложить сторонам условия урегулирования, кажушиеся ей приемлемыми, удобными, и предложить сторонам срок для обдумывания и вынесения своего решения.

По окончании этой работы комиссия составляет протокол, констатирующий либо то, что стороны договорились, и, в этом случае – условия соглашения, либо то, что стороны не пришли к урегулированию – их разногласия.

Работа комиссии должна будет, если только стороны не договорятся на других основаниях, быть завершена через шесть месяцев после поступления спорного вопроса на рассмотрение в комиссию.

Статья 10.

При условии наличия специальной оговорки, комиссия по примирению сама регулирует свою процедуру, которая, однако, в любом случае должна допускать дискуссию с участием двух сторон. При расследовании дела комиссия, если она не решает единодушно, придерживается положений документа 3 конвенции от 18 октября 1907 г. о мирных решениях международных конфликтов.

Статья 11.

Комиссия по примирению будет собираться, при отсутствии иных приглашений сторон, в месте, обозначенном президентом комиссии.

Статья 12.

Работа комиссии не является секретной только в случае принятия комиссией и одобренного сторонами решения об этом.

Статья 13.

Стороны будут представлены в комиссии агентами, имеющими обязанности служить посредниками между сторонами и комиссией; стороны могут так же участвовать с помощью консультантов и экспертов, назначенных сторонами для этой цели, а так же требовать слушания всех, чей опрос кажется им полезным.

Комиссия имеет, со своей стороны, право требовать устных объяснений от агентов, консультантов и экспертов обеих сторон, так же как и от всех остальных, кого она сочтёт полезным для суда, с согласия их правительств.

Статья 14.

Если нет противоположного данной конвенции положения, комиссия принимает решения большинством голосов. Комиссия может принимать решения, только если все члены были надлежащим образом приглашены и если присутствуют президент, и, по крайней мере, два члена комиссии. В случае если присутствуют три члена комиссии и президент, голос президента имеет перевес.

Статья 15.

Правительство Италии и Франции берут на себя обязательства способствовать работе комиссии, и, в частности, предоставлять ей все документы и полезную информацию, а также использовать все средства, которыми они располагают, чтобы приступить на своей территории и в соответствии со своим законодательством к слушанию в суде опрашиваемых и экспертов, а также, чтобы обеспечить транспорт.

Статья 16.

В период работы комиссии каждый комиссар получает жалование, размер которого устанавливается общим соглашением Французского и Итальянского Правительств, которые выплачивают сумму поровну. Все расходы, которые влечёт работа комиссии, несут правительства в равных долях.

Статья 17.

Если спорный вопрос не передаётся на рассмотрение комиссии, или если он не был решён комиссией, он будет направлен либо в международный

суд на условиях и согласно процедуре, предусмотренной его уставом, либо в арбитражный суд, на условиях процедуры, предусмотренной конвенцией от 18 октября 1907 г. о мирном регулировании международных конфликтов.

При отсутствии договора между сторонами и после предварительного извещения, за месяц, одна или другая сторона могут свой вопрос в форме письменной просьбы направить в международный суд.

Статья 18.

Все противоречия, которые Правительства Италии и Франции не смогут решить по взаимной договорённости при помощи обычных дипломатических процедур, решение которых не будет найдено при помощи судебного разбирательства, предусмотренного статьёй 2 данной конвенции и для решения которых не предусмотрены процедуры соглашением, действующим между сторонами, будут представлены в комиссию по примирению, которая будет обязана предложить сторонам приемлемое решение, и, в любом случае, представить доклад по вопросу.

Статья 19.

Если через месяц после окончания работы комиссии по вопросу стороны не договорились, вопрос этот будет передан в Совет Лиги Наций, который вынесет постановление сообразно статье 15 Договора о Лиге Наций.

Статья 20.

Данная конвенция остаётся применимой к отношениям между Италией и Францией, хотя и другие государства могут иметь свои интересы в каком-либо решаемом вопросе.

Данная конвенция будет ратифицирована. Стороны должны по возможности в кратчайшие сроки обменяться ратификационными грамотами.

Конвенция войдёт в силу с момента обмена ратификационными грамотами и останется в силе неограниченный период времени; однако она может быть денонсирована одной из сторон, и в этом случае она прекратит действовать через год после денонсации.

В удостоверении чего полномочные представители подписали данный договор, составленный в двух экземплярах и скреплённый печатью.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

ПРОЕКТ КОНВЕНЦИИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К УСЛОВИЯМ ПРОЖИВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ГРАЖДАН В ТУНИСЕ.

Президент Французской Республики и Его Величество Король Италии, в равной степени, желающие в самом дружественном духе уточнить ситуацию, касающуюся итальянских подданных, проживающих в Тунисе, решили заключить конвенцию с этой целью.

Статья 1.

Итальянцы в Тунисе и тунисцы в Италии пользуются во всех отношениях режимом наибольшего благоприятствования. Однако этот режим не

предполагает для итальянцев в Тунисе режима, установленного для граждан Франции, и не может ни в коем случае быть более благоприятным, чем он.

Подданные итальянских колоний, проживающие в Тунисе, пользуются во всех отношениях тем же режимом, что и тунисцы. Тунисцы в итальянских колониях пользуются тем же режимом, что и подданные этих колоний.

Статья 2.

Итальянцы, которые до момента вступления настоящей конвенции в силу будут заниматься свободными профессиями, такими, как профессии адвоката, врача, стоматолога, акушерки, архитектора, смогут продолжать заниматься этими профессиями.

Статья 3.

Королевские итальянские школы в Тунисе будут выкуплены администрацией Протектората, если только Королевское Правительство не предпочтёт, чтобы эти школы стали частными, подчиняющимися местной регламентации.

Количество королевских школ и учеников в них, будет уменьшаться ежегодными группами, по возможности равномерно. Группы эти будут вычитываться таким образом, чтобы положение предыдущего абзаца получило полное исполнение самое позднее через два года после вступления данной конвенции в силу.

Статья 4.

В течение пяти лет, начиная с момента вступления данной конвенции в силу, состав присяжных заседателей в уголовном суде, когда будут судить итальянца, будет наполовину состоять из итальянцев, если только сам подсудимый не откажется от использования им этого права.

Статья 5.

В течение пяти лет, начиная с момента вступления данной конвенции в силу, итальянцы, так же как и подданные итальянских колоний, будут пользоваться рыболовным правом, установленном на берегах Туниса. В течение этого же периода, тунисцы будут пользоваться этим же правом у берегов Ливии.

Статья 6.

Гражданами Франции являются все индивиды, которые родились на территории Туниса от итальянских родителей, один из которых сам родился на этой территории, если только сам индивид не откажется от французского гражданства.

Однако этим правом не будет пользоваться тот индивид, который родился на территории Туниса от родителей, один из которых отказался, на основании положения, указанного в предыдущем абзаце, от французского гражданства.

Индивиды, указанные в абзаце 2 данной статьи, имеют в любом случае право отказаться от французского гражданства, если они родились до (1 января 1932 г.³).

Статья 7.

³ Дата является условной.

Заявление об отказе от французской национальности должно быть подписано заинтересованной стороной через год после достижения совершеннолетия.

Индивиды, уже совершеннолетние, могут пользоваться этим правом через шесть месяцев после вступления в силу данной конвенции.

Индивид, который, будучи совершеннолетним, подпишет заявление об отказе от французского гражданства, или на имя которого подобный акт будет подписан, потеряет право выбора гражданства.

Статья 8.

Тунисцами являются все индивиды, которые родились на территории Туниса от родителей – подданных колоний, в том числе итальянцев, из которых один сам родился на этой территории.

Подданными итальянских колоний являются все индивиды, которые родились на территории итальянской колонии от тунисских родителей, из которых один сам родился на этой территории.

Статья 9.

Упраздняются: консульская конвенция, учредительная конвенция и конвенция о торговле и навигации, относящиеся к Тунису, подписанные в Париже 28 сентября 1896 г., также как и все положения, статьи договоров, предшествующих данной конвенции, в той степени, в какой эти статьи и положения противоречат положениям, указанным выше.

Данная конвенция будет ратифицирована, обмен ратификационными грамотами состоится в Париже в кратчайшие сроки. Конвенция вступит в силу с момента её ратификации. Она может быть денонсирована только через пять лет одной из сторон, и денонсация не вступит в силу, пока об этом не будет уведомлена другая сторона и пока не пройдет год после уведомления всех заинтересованных сторон.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРОЕКТ ДОГОВОРА МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ИТАЛИЕЙ, КАСАЮЩИЙСЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЛАДЕНИЙ ЭТИХ ДВУХ ДЕРЖАВ В АФРИКЕ

Президент Французской Республики и Его Величество Король Италии, в равной степени желающие развивать в Африке дружеские и добрососедские отношения, которые существуют между двумя их нациями, решили заключить договор с этой целью:

Статья 1.

Французская Республика уступает Королевству Италии территорию, ограниченную линиями, одна из которых идёт от границы, установленной франко-итальянским соглашением от 12 сентября 1919 г. до места, где дорога из Анаи в Джадо пересекает эту границу, достигает середины этой дороги; и вторая из которых, идущая из Джадо до середины дороги Туммо, соединяется с границей, обозначенной на карте, приложенной к франко-британской декларации от 21 марта 1899 г. Новая граница, которая должна быть определена в соответствии с чертежом на карте, приложенной к настоящему договору,

оставит Еццан на французской территории, Джадо и Туммо – на итальянской территории.

Две вышеупомянутые дороги будут международными, и их использование – общим для полицейских сил, караванов и обозов обеих держав. Французские полицейские силы, караваны и обозы смогут делать остановки в Джадо, чтобы запастись там водой.

Чтобы оазис Джадо не стал пристанищем сахарских и триполитанских грабителей, уступка территории, описанная в первом абзаце данной статьи, вступит в силу только после эффективной оккупации данной территории Италией.

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют, что всё, что их касается в статье 13 договора, подписанного в Лондоне 26 апреля 1915 г., получает полное одобрение.

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются с тем, что линия, которая на востоке Туммо обозначает предел французских владений, и линия, определённая франко-британским соглашением от 9 сентября 1919 г., вносящим уточнения во франко-британскую декларацию от 21 марта 1899 г., признаны Италией на основании франко-итальянского договора от 1 ноября 1902 г.

Настоящий договор будет ратифицирован, и обмен ратификационными грамотами состоится в Париже в установленные сроки. Договор вступит в силу с момента ратификации.

МЕМОРАНДУМ СЕКРЕТАРЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИТАЛИИ Р. ГУАРИЛЬЯ ГЛАВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Б. МУССОЛИНИ⁴.

Секретно.

Относительно проектов соглашения, представленных Вашему Превосходительству послом Франции, касающихся пересмотра границ Ливии и статуса итальянцев в Тунисе:

Предложенная поправка границы является вне сомнения не значимой, и министр колоний сможет сказать, имеет ли она какую-либо частную ценность с точки зрения внешней политики, а именно – существует ли возможность развития активности в более или менее отдалённом будущем, имеются ли перспективы по переносу ливийской границы к берегам озера Чад. Это предложение не открывает ни одной из названных возможностей. Было бы естественно предпочтительнее не решать сейчас вопрос о колониальных компенсациях на основе статьи 13 Лондонского пакта. Невыполнение Францией взятого ей торжественного обязательства служит и будет, конечно же, служить задачам нашей внешней политики значительно больше, чем узкая полоска песка между Туммо и Джадо, которую Франция хотела бы уступить, чтобы получить заявление о том, что мы считаем себя удовлетворёнными в колониальном вопросе.

⁴ DDI. Ser. 7. T. 7. N 168.

Итальянское общественное мнение уже изменилось в 1919 г., когда говорилось об уступке Францией Борку и Тибести Италии, чтобы выполнить обещание, взятое в статье 13 Лондонского договора; полоска песка, которую сейчас нам хотят уступить, едва касается границ Тибести. В таких условиях было бы лучше, смотря, конечно, что именно Ваше Превосходительство считает уместным получить в случае заключения пакта о дружбе с Францией, оставить нерешённым этот вопрос, отложив его анализ и решение до того момента, когда наша военная оккупация достигнет крайней линии границы: в таком случае, кажется необходимым объявить, что французский проект соглашения не может удовлетворить итальянские требования, выдвинутые на базе статьи 13 договора.

Кажется неслыханной и необъяснимой дерзость синьора Бомарше, когда он представил проект соглашения о статусе итальянцев в Тунисе, который не приемлем, и не может служить даже базой для дискуссии. Конвенция 1896 г., уже в то время (а это время Адуа⁵) была компромиссом в пользу Франции, чтобы Италия могла получить благоприятные условия на торговых переговорах, которые в то время проходили между двумя странами, и на который то правительство пошло в тех условиях, придавая большое значение итогам кампании, которая всколыхнула итальянское общественное мнение против всех вообще колониальных и африканских вопросов.

В сентябре 1918 г. конвенции 1896 г. были оспорены вербальной нотой, в которой господин Баррер заявил, что французское правительство не имеет ни малейших намерений изменять их политическое содержание, но имеет намерение предложить вставить торговые пункты, в связи с новой ситуацией, создавшейся из-за европейской войны.

С 1918 г. и поныне, через различные мероприятия – принимая во внимание, что по конвенции 1896 г. итальянские товары имеют режим наибольшего благоприятствования, в сравнении с товарами любой другой страны, исключая Францию, несмотря на то, что наше посольство, в соответствии с инструкциями Вашего Превосходительства много раз привлекало внимание правительства Республики к таким законодательным мероприятиям, которые если и не нарушают правовые нормы, то обновляют положение дел, продолвшееся без перерыва более тридцати лет – французское правительство изменило в свою пользу тунисское таможенное законодательство, так, чтобы полностью разрушить итальянскую торговлю в протекторате, и которая сейчас сократилась до действительно незначимого процента. Изменения в экономической сфере, которые желало осуществить французское правительство, к сожалению, произошли нам в ущерб, но мы не могли протестовать, потому что они не нарушали положений конвенции. Девять статей проекта соглашения изменяют, наоборот, всю политическую часть конвенции 1896 г. и резко опрокидывают всё великолепное сооружение итальянского влияния, которое устояло пятьдесят лет под постоянным нажимом французского правительства и которое, несмотря на разнообразные средства и способы, французским властям не удавалось затронуть:

⁵ То есть поражения Италии в первой войне с Эфиопией.

а) итальянцам запрещено заниматься свободными профессиями: адвоката, врача, фармацевта, дантиста, акушерки, архитектора (статья 2). Только те, кто сейчас допущены к таким профессиям, могут продолжать заниматься ими в течение своей жизни. Через двадцать лет в Тунисе не было бы итальянской буржуазии, а любое общество за границей без буржуазного элемента не имеет уже ни силы, ни политического веса.

б) итальянские школы в Протекторате – гордость нашей культурной экспансии за границей, с количеством приблизительно девять тысяч учеников, окажутся закрытыми, французское правительство предлагает купить здания. Такие школы могут быть переделаны в частные школы. С 1896 г. по 1919 гг., несмотря на постоянные запросы, обращённые к французским властям Протектората, оказалось невозможным открыть ни одной частной итальянской школы в Тунисе. Под давлением итальянцев, проживающих там, которые требуют открыть национальные школы, например, в таком местечке, как Мато, где во французской школе только один французский ученик – сын преподавателя, в 1919 г. Его Превосходительство Титтони, в соглашении Титтони – Бриан добился права для итальянцев открывать частные школы в Тунисе, естественно в соответствии с нормами, которые регулируют работу таких школ. С 1919 г. и до сегодняшнего дня, несмотря на это соглашение, не удалось открыть ни одной школы: потому что либо были отвергнуты заявки на открытие, или потому, что у преподавателей не было дипломов для преподавания французского языка (преподавание французского языка было обязательным в таких школах), или потому, что помещение школ не были признаны пригодными, или потому, что в посёлке уже существовала французская школа, достаточная для того чтобы принимать учеников, и, следовательно, власти не видели смысла открывать новые частные школы (итальянские). Став частными, как могли бы сопротивляться наши школы постоянным придирам властей, которые утверждали бы, что они не нужны, потому что находятся в местах, где уже есть просторные и заманчивые французские школы?

в) сын итальянца, родившийся в Тунисе от родителя итальянца, родившегося в Тунисе, является французским гражданином. Стало быть, и у нас должен быть допущен принцип, против которого мы всегда протестовали, что иностранец, проживающий в Протекторате, должен обязательно становиться гражданином державы, под чьим протекторатом находится. Он мог бы отклонить французское гражданство, но только в 21 год, а тем временем в двадцать лет его призывали бы в армию. Благодаря этому положению, безудержная французская пропаганда по денационализации национальных общин, проживающих в Тунисе, получили бы огромную поддержку; наши соотечественники, которые ценой многих усилий сопротивляются уговорам, давлению и угрозам, почувствовали бы, что превращение во французов – это только вопрос времени, и что, следовательно, попросив французское гражданство от которого их дети не смогут уклониться, они обеспечили бы себе преимущество и работу, которые потом не смогли бы уже получить, и поэтому денационализация тунисцев увеличилась бы так, что могла осуществиться за одно поколение, и тогда наше влияние в Тунисе оказалась бы непоправимо утраченным.

г) вышеупомянутые итальянские колониальные подданные, проживающие в Тунисе, были бы в вопросе национальности приравнены к итальянским гражданам, но они стали бы тунисскими подданными (то есть гражданами той страны, в которой они проживают), а не французскими, и, следовательно, такие предложения не нарушили бы главный принцип; впрочем, является сомнительной важности задачей сохранять в чистом виде под нашим подданством на границе с Триполитанией большие группы ливийцев, которые для Италии было бы выгодно видеть постепенно уменьшенными.

д) пункты, в сравнение с действующими, в проекте договора, в связи с правом рыболовства на тунисских побережьях, которое было бы ограничено сроком на пять лет, и введен принцип взаимности, которого сейчас не существуют для тунисцев на побережье Ливии.

Девять статей проекта содержат, в общем, существенные изменения в пользу французов, которые уже много лет в полный голос требовали желаемого, как и самые ярые французские колонисты, среди которых и синьор Бомарше, который многие годы был вице-директором по делам Африки Министерства иностранных дел и занимался всю жизнь африканскими колониальными вопросами.

Удивительно то, что французское правительство надеялось получить столь благоприятное для себя решение деликатного тунисского вопроса без всяческого противодействия, которое всегда в виду большой и известной заинтересованности проявляла Италия, в том, что касается итальянских интересов в Протекторате.

Явным итальянским интересом, наоборот, является выигрыш времени, чтобы дать нашей Ливийской колонии возможность стать огромным центром итальянского населения, и она, естественно, имели бы притягательную силу для всей Северной Африки, и, следовательно, до этого времени, необходимо постараться сохранить, насколько это возможно, наши позиции, особенно в Тунисе, где мы можем рассчитывать на особое положение и на силы сопротивления, которые под руководством Вашего Превосходительства, всё больше систематизируются, пробуждаются, активизируются. Следовательно, простое продление действующей конвенции 1896 г. на период от 5 до 10 лет в таких условиях является самым выгодным решением, которое впрочем, не должно встретить никаких проблем со стороны французского общественного мнения. Если этого невозможно добиться, то ещё предпочтительнее неопределённое состояние дел, которое тянется уже, как показали эти десять лет; возобновление конвенции каждые три месяца.

Франция, которая её подписала, не может не продлить её, как когда у Франции было достаточно благоприятных возможностей, основанных на трениях и случайных ситуациях. Но если бы даже мы пришли к такой мере, то каков мог бы быть статус итальянцев в Протекторате? С нашей стороны мы призвали бы, даже будучи уверены в невозможности признания нашего тезиса, к *status quo ante*, то есть почти к режиму капитуляций (на базе действующих соглашений, Италия согласилась на приостановку, но не на отмену капитуляций в Тунисе), вытекающего из соглашения, заключённого с беєм Туниса прежними итальянскими государствами, и мы могли иметь основа-

ния, чтобы рассматривать вопрос в Гаагском трибунале, который не имел бы права осудить нас за неправоту; мы бы воззвали к международному общественному мнению в отношении страданий итальянцев в Тунисе, и полемика не могла бы не вызвать пробуждения национального чувства наших итальянцев, поселившихся в Северной Африке.

Франция провозгласила бы применение к итальянцам общего права. В национальном вопросе: закон 23, обнародован после компромисса с британским правительством; по нему считается французом сын иностранца, рождённый в Протекторате иностранными родителями, рождёнными там же. Более того, рассмотренный проект не позволяет никакой возможности отклонить французское гражданство, кроме как в 21 год, то есть уже после завершения военной службы во Франции, тогда законно можно отказаться от права свободного выбора в 21 год, по заявлению для младшего или от имени того, кто осуществлял опеку в течение младшего возраста (статья 7 проекта). Сколько итальянских детей в таких условиях могли пользоваться таким правом? Очевидно, минимум, и их отказ был бы также легко оспорен французской властью, на основании пройденной военной службы. Тот же самый общий закон, который был бы применён, в случае, если Франция не желает больше продлевать срок конвенции 1896 г. и является ещё более или менее предпочтительным, перед лицом проблемы денационализации, чем предложенный проект, потому что мы имеем право, которого никто не мог бы оспаривать, считать итальянских детей, таким образом денационализированных, итальянскими гражданами и создавать, следовательно в душе денационализированных, возмущения и оппозиции против незаконного приобретения не желанного иностранного гражданства.

Относительно школьной проблемы, центра нашего сопротивления в Тунисе, общий закон был бы конечно предпочтительнее, чем проект, который нас заставляет школы в Протекторате превратить в частные школы, подвластные пыткам французской инспекции. Это было бы решение, которое общий закон должен был бы нам навязать; нет другого решения, которое нам больше вредило бы. Но как бы они могли навязать нам его? Речь идёт о школах в Протекторате, защищённых конвенцией, которая могли бы жить и развиваться, сначала потому, что некоторые не признали никакого вмешательства, даже самого небольшого, от французских властей; чтобы закрыть их или добиться их превращения в частную школу, французское правительство должно будет прибегнуть к насилию, насилию, которое ничто не может оправдать, так как такие школы получили свой статус на основании конвенции, подписанной тем же французским правительством. Едва ли французское правительство захочет прибегнуть к нему, в любом случае возникли бы противоречия, которое не сможет добиться ничего, больше того, чем согласилось принять итальянское правительство.

Никакой довод, следовательно, не действует в пользу принятия проекта, на основе которого, непонятно как, французское правительство надеется завязать прочную дружбу с Италией.

МЕМОРАНДУМ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГРАНДИ ГЛАВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА МУССОЛИНИ⁶

Рим 26 сентября 1929 г.

22 июля текущего года посол Бомарше вручил Тебе лично ноту возражения французского правительства на контр предложение от 29 июня 1929 года итальянского правительства по поводу ливийского и тунисского вопросов.

Вручая мне французский документ, Ты меня предупреждал, что во время беседы синьор Бомарше настаивал на том, чтобы подчеркнуть неточность некоторых фактических данных, на которых основывался итальянский документ. По этому случаю Бомарше широко щеголял африканистской эрудицией в подтверждение своих высказываний.

Я возразил, что очень вероятно, что Бомарше ограничился тем, что рассматривал и вспоминал только первую главу итало-французских отношений в африканских вопросах, а именно период, который начался с соглашения Принетти – Баррер (1 ноября 1902 г.) и продолжался до Лондонского пакта, притворяясь, что не знает или не помнит второй период, который идет точно с Лондонского пакта до настоящих переговоров. Нас интересует сегодня как раз этот второй период, который затрагивает нынешние переговоры.

Я все-таки попросил Тебя дать мне необходимое время, чтобы еще раз сравнить всю документацию, в том числе заметки, сделанные Тобой карандашом во время беседы с послом Бомарше.

Я заново изучил, как впрочем я сделал еще до июня текущего года, весь вопрос, документ за документом, и мне пришлось заключить, что синьор Бомарше сказал вещи, абсолютно противоположные правде, пытаясь увести переговоры на другие рельсы, применив процедуру, нужно сказать, совсем новую для традиций дипломатии великой страны.

Я хотел удостовериться еще больше, хотя в этом и не было необходимости. Я послал министра Гуарилья к послу Бомарше, чтобы сравнить имеющуюся у нас документацию с документацией, имеющейся во дворце Фарнезе и Министерстве иностранных дел, и проверить, не ускользнул ли от нас случайно какой-нибудь документ и больше не находится в нашем архиве. Беседа Бомарше – Гуарилья подтвердила все сказанное выше. Синьор Бомарше вынужден был признать, что наша нота от 29 июня 1929 г. опиралась на точные фактические данные, и у него был такой вид, будто бы он впервые заметил, что наши требования основывались на международном договоре торжественного характера, который, по правде, никогда не был секретным, а именно Лондонском пакте, хотя французские дипломаты, из-за усиленного отрицания его эффективности, доходят вообще до отрицания самого факта его существования.

Кроме статьи 13 Лондонского пакта, наш документ от 29 июня текущего года основывается на соглашении Бонин – Пикон от 12 сентября 1919 г., где в § 2 ясно сказано: «Что по решению от прошлого 7 мая, Высший Совет Союзников признал, что Итальянское Правительство обоснованно требует выгоду от ст. 13 Лондонского пакта, правительство Его Величества Короля

⁶ DDI. Ser. 7. T. 8. N 19.

Италии и правительство Республики уже согласны в зависимости от пунктов, перенося все другие пункты на следующее рассмотрение».

за соглашением Бонин – Пикон следует итальянская нота от сентября 1923 г. за подписью Муссолини, направленная послу Франции. В указанной ноте Итальянское правительство, сообщая французскому правительству намерение перейти к ратификации соглашения Бонин – Пикон, заявляло буквально следующее в §§ 3 и 4: «Итальянское правительство желает особенно подчеркнуть, что соглашения, достигнутые посредством обмена нотами между Бонином и Пиконом 12 сентября 1919 года, не составляют – как следует из самих писем, в которых оговаривается ближайшее рассмотрение других пунктов – окончательного решения вопросов, вытекающих из применения статьи 13 Лондонского пакта (1915).

Упомянутые соглашения не могут фактически считаться адекватным удовлетворением прав на полную колониальную компенсацию, которую настоящая статья признает за Италией, права, которые остаются неизменными и могут составить в дальнейшем предмет для обсуждения между французским и итальянским правительствами».

Наконец, в том, что касается более точно границы на юг от Ливийских колоний (Ливийский континент), имеются наши неоднократные заявления о непризнании англо-французской конвенции 1919 г., начиная с ноты 12 декабря 1921 г. и заканчивая нотой от 27 марта 1924 г., направленных правительству в Париже.

С тех пор не произошло ничего нового, что бы изменило эту элементарную «правовую позицию» Италии.

5 сентября, в тот же день, когда я прибыл в Рим из Гааги, посол Бомарше позвонил в Палаццо Киджи и попросил меня принять его для срочного сообщения. Я принял его на следующее утро (6 сентября). Он был необычно церемонный. Он мне сказал, что был огорчен тем, что не смог меня увидеть до моего отъезда в Гаагу, а потом сразу приступил к вопросу итало-французских переговоров, конкретно к теме беседы с главой правительства, состоявшейся 22 июля текущего года. В этой связи синьор Бомарше допустил, что признает за Италией право выдвигать требования, принимая за основу Лондонский пакт, итальянские оговорки, содержащиеся как в соглашении Бонин – Пикон, так и в ноте Муссолини от сентября 1923 г., а также заявления 1921 и 1924 гг. о непризнании англо-французской конвенции 1919 г. относительно Ливийского континента, сохраняя, разумеется, за французским правительством право оспаривать и ограничивать материальную сущность права.

И как раз на материальной сущности, а не на существовании права вообще, основывается несогласие посла Французской республики.

Правда в том, что в определенный момент синьор Бомарше слишком рано вообразил, что он сможет добиться соглашения на основе уступки оазиса Джадо, и что еще более несвоевременно передал в Париж – и получил согласие – рассматривать такие предложения, как требование итальянского правительства.

Поэтому, когда синьор Бомарше получил официальные итальянские контрпредложения, которые могли служить базой для последующих переговоров, ему пришлось, чтобы скрыть свое смущение, симулировать удивление.

Бомарше у меня спросил, наконец, мое личное мнение по этому вопросу. Я ему ответил, что ограничивался тем, что, принял к сведению то, что он признал законность нашей «правовой позиции». Но я не мог ему сказать большего.

Переходя к разговору о тунисском вопросе, я не мог не заметить Бомарше, что для Италии было очень печально констатировать, что после полутора лет переговоров, шедших очень медленно и осторожно, по желанию французского правительства переговоры претерпели такую деформацию и такое искажение первоначальной постановки вопроса, по которой Италия из своего бесспорного качества кредитора сегодня перешла в качество должника, и именно она должна что-то Франции.

До чего мы, в самом деле, дошли? Вместо того чтобы улучшить, пусть немного, нынешнее положение итальянцев в Тунисе, Франция нам сурово, без обиняков заявляет, что Тунис — это французская колония, и что все права, включенные в Устав в пользу итальянцев, должны быть немедленно или постепенно отменены.

Во-вторых, Франция требует абсолютного и окончательного отказа Италии от всех своих прав, вытекающих из Лондонского пакта, и от непризнания настоящей франко-английской границы 1919 г. на ливийском континенте. В сущности Франция просит Италию вернуться на дипломатическую и юридическую позицию соглашений Принетти — Баррер (1902), и все это в обмен на несколько десятков тысяч квадратных километров песка пустыни, составляющих оазис Джадо, по отношению к которому все равно Италия сможет осуществлять только право на относительный суверенитет.

Что скажет итальянское общественное мнение — сказал я Бомарше — когда вместо того, чтобы получить итало-французский договор, по которому Франция решит наконец заплатить, пусть в минимальном размере, свой военный долг Италии, окажется вдруг перед лицом соглашения, по которому Италия, в обмен на маленькую пустынную полосу земли, не имеющей никакой колониальной ценности, заявит об отказе от своих африканских надежд и признает за Францией не меньше, как право располагать по своему усмотрению итальянцами в Тунисе как своими подданными? Французское правительство не чувствует, как — помимо всех других соображений — есть что-то незаконное в подобных юридических переговорах?

Бомарше, после того как сделал обычные возражения по поводу того, что «с тех пор прошло много времени и т.д.», что «Франция не потерпит, после десяти лет, возобновления вопроса в духе 1919 года и т.д.», закончил тем, что сказал, пусть очень туманно, что возможно Французское правительство в конце концов предоставит продление Конвенции 1896 года на десять лет, при явном условии, однако, чтобы Итальянское правительство обязалось с тех пор, как пройдет десятилетний срок, «отступить» от тунисского вопроса.

Я ему ответил, что не намеревался вступать, со всем тем, что я говорил, в переговоры, и что он мог бы поговорить обо всем этом с Его Превосходительст-

вом Главой Правительства, но что, по моему впечатлению, было весьма трудно представить, если вообще не невозможно, чтобы фашистское правительство согласилось принять подобное обязательство.

Перехожу теперь к тому, чтобы обобщить, как можно более схематично, согласно желанию, высказанному главой правительства, суть, так сказать, исторических, юридических, дипломатических прецедентов ливийского и тунисского вопросов. Они, по правде говоря, очень ясны и очень просты.

Ливийский вопрос.

1. *Соглашения Принетти – Баррер.* – В 1899 году (21 марта) правительства Франции и Англии договорились об обоюдном разграничении зон влияния на территории Сахарской Экваториальной Африки (Ливийский континент) между Египетским Суданом и французскими территориями Экваториальной Африки, территориями, все еще находившимися под властью Оттоманской империи. Заключив эту «Франко-британскую конвенцию 21 марта 1899 года», правительства Парижа и Лондона сообщили об этом в Рим, приглашая его признать это соглашение, которое делило Ливию практически на две части, а именно на Ливию Средиземноморскую и Ливию Африканскую (глубинные районы Ливийского континента).

Итальянское правительство признало это соглашение и получило взамен на отказ от своих вероятных прав на ливийские территории Экваториальной Африки торжественное признание наших прав на Средиземноморскую Ливию (Триполитанию и Киренаику) и заявление о французском нейтралитете в случае африканских осложнений.

В этом состоит суть соглашения Принетти – Баррер от 1 ноября 1902 г. (Приложение 1)⁷. Это соглашение представляет собой отправную точку для решения ливийского вопроса между Италией и Францией. Но мы всё ещё говорим о предыстории. Когда Средиземноморская Ливия была оккупирована Италией, французы в свою очередь перешли к оккупации регионов Тибести, Борку, Эннеди, Унианга (1912-1914), тогда еще обороняемых в отдельных точках слабыми турецкими силами сопротивления. Эти регионы расположены на юг от линии, намеченной франко-британской конвенцией 1899 г.

Если бы все осталось на стадии соглашений Принетти – Баррер, тезис посла Бомарше (чья африканистская культура, как кажется, остановилась на этой дате) можно было бы отвергнуть с трудом. Была бы не блестящей, например, наша позиция, если бы в переговорах с Францией мы следовали рассуждениям Федерцони, бывшего министра колоний. Когда в своем отчете от 26 марта 1928 года он требует для Италии права на территории Экваториальной Африки до озера Чад, и выдвигает эти требования как права, которые нам принадлежат как государству – наследнику Оттоманской империи на Ливийском континенте, Федерцони опирается на колониальную литературу, которая, к сожалению, не имеет никакой ценности, если ее брать в качестве серьезного элемента дипломатических переговоров.

Но мы не последовали тезису Министра колоний. В тексте нашей ноты от 29 июня текущего года Франции и в многочисленных устных беседах

⁷ Приложения к данному меморандуму в серии DDI не опубликованы.

по данному вопросу Итальянское Правительство никогда не излагало такой интерпретации наших колониалистов, которые из-за желания получить всю Африку вплоть до Атлантического океана находили, что Лондонский пакт им даст слишком мало... и, таким образом, доходили до того (крайние этого казались), что сводили свой юридический тезис ни к чему иному, как к тезису... Бомарше.

На самом деле, есть нечто лучшее, на чём можно основывать полное право Италии.

2. *Франко-британская конвенция 8 сентября 1919 г. и итальянское непризнание этой конвенции.* — Как мы уже отметили выше, франко-британская конвенция 1899 года, принятая Италией в ноте Принетти – Баррер 1902 года, обозначала «линию границы», которая должна была составить максимальный предел французской африканской экспансии в направлении Севера. Эта линия делила также французскую и английскую сферы влияния. Но Англия никогда не рассматривала в качестве территорий, принадлежащих Англо-Египетскому Судану, все, что находится на восток от этой линии, и никогда не приписывала себе какое-либо право на Куфру. Более того, Великобритания заявляла всегда противоположное. Отсюда, следовательно, вытекает, что любое территориальное укрупнение со стороны Франции за пределы этой линии – это территориальное расширение в ущерб Ливии.

8 сентября 1919 года французское и английское правительства заключают, в самом деле, новую конвенцию, посредством которой *status quo* границ Ливийского континента, установленный предыдущей франко-британской конвенцией 1899 года, принятой Италией в 1902 году, оказывается ощутимо модифицирован. Такая модификация забирает у Италии более 175 тыс. кв. км. территории (согласно расчетам итальянских картографических бюро и намного меньше – согласно, расчетам французских картографов), а также пути сообщения между оазисом Куфра и южными границами Судана. Этой новой «линией границ» (установленной без какого бы то ни было согласования с Италией) итальянская территория ограничивается последней южной деревней оазиса Куфры, а сфера французских интересов (которые, как французское правительство объявило в 1899 г., Франция «не желает игнорировать») оказывается заметно расширена, с явным ущербом для Италии. В 1902 году, когда Триполитания еще входила в состав Оттоманской империи и была для Италии только надеждой, французское правительство позаботилось договориться с итальянским правительством (письма Принетти) о такой линии границы. В 1919 году, после войны, в которой они сражались вместе, Франция, не колеблясь, договорилась с Англией, втайне от нас, по вопросу, который открыто, вредил нашим интересам.

Против такого нарушения Италия протестовала (нота 12 декабря 1921 года и нота 27 марта 1924 года, приложение 2), заявив, что не признаёт и не принимает условия англо-французской конвенции 1919 г. Французское правительство (нота 21 июня 1924 года, приложение 2) заявляет, что не нарушило никаких итальянских прав, но что, если имеет место какое-либо предубеждение, правительство Республики «проявит внимание к исправлению по причине ущерба...».

Но, несмотря на все это, нарушение осталось, и, в то время как посол – африканист Бомарше делает вид, что упал с облаков, его правительство «проявляет внимание» в своем проекте 21 декабря, но уже не «по исправлению по причине ущерба», а потребовав (опять-таки в обмен на оазис Джадо), чтобы итальянское правительство формально заявило (§ 3) о признании, «что линия разграничения французских владений и определённая линия по франко-британскому соглашению от 9 сентября 1919 г...» (приложение 5).

Так сильно Франция беспокоится о том, чтобы Италия приняла к сведению эту конвенцию.

3. *Лондонский пакт (статья 13). – Соглашение Бонин – Пикон от 13 сентября 1919 года – Декларация Муссолини от сентября 1923 года* (приложение 3 – приложение 4). – Это три важных международных акта, фундаментальных, тесно связанных между собой, по которым ливийско-африканский вопрос, закрытый для Италии после соглашений Принетти – Баррер в 1902 году, снова открывается в 1915-1919 гг. Для Италии начинается абсолютно новый период, поскольку она целиком восстановила свою свободу действий и правовую позицию, утраченную в 1902 году, и такая правовая позиция, после нескольких попыток, была за ней торжественно признана.

Соглашение Бонин – Пикон, согласно которому Италия получает, с одной стороны, корректировку ливийско-туниССкой границы, а с другой, некоторые особые преимущества наших обществ в Тунисе (налоговое равенство в определенных контрактах на продажу, равенство режимов частных французских и итальянских школ, помощь итальянцам – жертвам несчастных случаев на работе, договоры о фосфатах), представляет собой «начало» француз уступок, «первый тайм» в фазах итало-французских переговоров по данному вопросу. («...переноса все другие пункты...»). Франция и Италия договорились временно воздержаться от дальнейшего рассмотрения вопроса.

С 1919 года мы дошли до 1927. Восемь лет перерыва.

Во время этой долгой паузы Франция привыкла к мысли, что она больше ничего не должна бывшей союзнице и что она уже выплатила свой долг (несмотря на собственные уверения в обратном) посредством мелких территориальных уступок, сделанных в 1919 году на туниССкой границе.

Напряженность в итало-французских отношениях в 1927 году, единодушный мятежный дух в итальянском общественном сознании против склонности к провокациям антифашистских французских партий, французская «оплошность» подписания пакта с Югославией сначала обеспокоили французское правительство, так что оно решило.... возобновить беседы на основе прерванных переговоров 1919 года.

Помню, например, что в беседах с Брианом в Женеве в сентябре 1927 года Италия говорила об «улучшении конвенции 1896 года», не ставя даже вопроса о сроках, а Франция защищалась предложением «продления конвенции 1896 года».

Но потом французское правительство, когда прошел первый момент серьезного беспокойства по поводу возможных осложнений с Италией, подумало, что можно извлечь выгоду из этого возобновления переговоров, чтобы поднять во всей её полноте деликатнейшую туниССкую проблему, делая ставку

на то, что французы называют нашей «территориальной алчностью», и, не отдавая себе ясного отчета в реальности, при помощи незначительной территориальной уступки разом решить более серьезный для Франции вопрос, а именно тунисский вопрос, который сам Клемансо, боясь худшего, не посмел затрагивать во время мирных переговоров. Отсюда назначение Бомарше, верного орудия министерства иностранных дел, посла в Риме, и отставка Безнарда, менее удобного и послушного для переговоров такого рода.

Так мы дошли до представления «проекта о пакте арбитража и дружбы» (лето 1928 года)⁸ и далее (21 декабря 1928 года) к представлению текста двух разных конвенций, одной, касающейся «статуса итальянцев в Тунисе» (Приложение 6), и второй, касающейся «исправления границы Триполитании и французских владений в Африке» (Приложение 5).

4. *Французский проект конвенции (21 декабря 1928 г.) по исправлению итало-французской границы в Африке* (приложение 5). — Конвенция состоит из трех статей. Первая устанавливает уступку со стороны Франции оазиса Джадо. Вторая содержит торжественное заявление со стороны Италии о полном удовлетворении прав, вытекающих из статьи 13 Лондонского пакта. Третья содержит менее торжественное заявление о принятии Италией status quo, установленного франко-британским договором 9 сентября 1919 года, договором, который не был признан Италией.

В добавление к трем статьям есть параграф, иронию которого стоит подчеркнуть: «...уступка вступает в силу только после окончательной оккупации оазиса Италией».

Нужно признать, что важность этой уступки и ее колониальная ценность весьма невелики. Оазис имеет 600 жителей, неопределенное количество квадратных километров песка пустыни (25 тысяч по нашим расчетам, 42 тысячи по расчетам французов). Территорию, непригодную к использованию, находящуюся в географических пределах оазиса, нам уступили безоговорочно. Но единственные два существующих караванных пути остались, наоборот, под общим владением Италии и Франции. Французское правительство, сохранило за собой, кроме того, право набора воды в колодцах (единственных во всем оазисе) и право остановки в селении Джадо для своих конвоев, караванов и войск.

5. *Итальянские контрпредложения от июня 1929 г. на французские предложения от 21 декабря 1928 г.* — Как вспоминает Глава Правительства, Министр Колоний, когда у него спросили компетентного совета по вопросу, какие контрпредложения направить в Париж касательно французских уступок в Африке, предложил вообще, чтобы наши требования простирались вплоть до озера Чад. Такова, без сомнения, главная линия нашей африканской экспансии. Но обрисовывать сегодня эти желания на таких дипломатических переговорах, как нынешние, означает по меньшей мере не иметь чувства соразмерности и реальности. Министр Колоний затем повернул разговор на три проекта меньшей важности, но тем не менее не реализуемых.

Рассмотрев эту проблему, Глава Правительства дал инструкции, чтобы наши контрпредложения ограничивались зоной, расположенной в преде-

⁸ См. серию 7, том 7, № 121, приложение 1.

лах настоящих южных границ Ливии и 18 параллели, зоной, которая практически включает только массив Тибести. Наша нота от 29 июня (Приложение 7) долго обдумывалась, пересматривалась, и сам Глава Правительства внес в нее многочисленные исправления по форме и по сути. Она составлена в крайне мирном и любезном тоне. Наши требования разумны. Они должны были составить правильную отправную точку для взаимных уступок. Это нота, которая составлена хорошо. Она вызвала плохое настроение у Бомарше только потому, что ему было нечего сказать в ответ, и бестолковый французский ответ от 22 июля это показывает.

Что касается тунисского вопроса, Италия предлагала в указанной ноте простое и чистое продление на десять лет конвенции 1896 года.

6. *Ответ французского посольства от 22 июля 1929 г. – беседа Бомарше в тот же день с Главой Правительства.* Мы об этом говорили в начале этого отчета. Это письмо Бомарше (Приложение 8), написанное, очевидно, в момент гнева, крайне интересно. Французское правительство, говоря старыми словами, сбрасывает маску. Письмо Бомарше раскрывает и выдает французскую игру на этих переговорах, или, еще лучше, показывает ее со всей жестокостью.

Это письмо или следствие, как я сказал, гнева, или оно является частью тактики, которая призвана быть запугивающей, хотя эта тактика, впрочем, вообще свойственна (по крайней мере, в работе с офисами Министерства) Бомарше. Я считаю, что, каким бы ни был исход переговоров, на это письмо мы должны ответить. Дать спокойный, но твердый ответ. Некоторые утверждения в этом письме должны быть опровергнуты и отклонены хотя бы только для того, чтобы бумаги были в порядке. В этом письме Франция письменно заявляет, что по Лондонскому пакту она нам больше ничего не должна, и это происходит впервые, что она осмеливается такое говорить в официальном документе. Во-вторых, она объявляет «окончательно отмененными» все капитулярные привилегии в Тунисе, а также уничтоженными все «национальные привилегии». И это тоже Франция впервые заявляет в официальном документе. И, наконец, французское правительство объявляет: «предлагая чтобы добиться присоединения Италии к их предложениям о статусе итальянцев в Протекторате, отказавшись от Джадо и т.д.», то есть полный переворот смысла итапо-французских переговоров, на которых, по мнению Франции, с одной стороны есть оазис Джадо, а с другой подарок 100 000 итальянцев и признание по умолчанию статуса Туниса как французской колонии.

У меня сложилось впечатление, что Бомарше понял, что зашел слишком далеко с этим письмом, которое, как кажется, имело целью ужесточить переговоры, а вовсе не для того, чтобы облегчить их.

Его тон в последней беседе от 6 сентября с нижеподписавшимся был, по крайней мере, внешне, не таким грубым. Он признал (в противоположность тому, что он написал в письме), что у Италии есть «право требовать», согласно статье 13 Лондонского пакта и последующим заявлениям. Он допустил, что сложилось недоразумение, которое нужно выяснить, в связи с франко-британской конвенцией 1919 г. Он согласился, что территории за Джубой и Джа-рабубом, отданные нам англичанами, имеют совершенно иную ценность, если их сравнить с пограничными районами Туниса, данными нам французами по

по соглашению Бонин – Пикон в 1919 году. Он не возразил, когда я ему заметил, что было странно, что Франция упоминала франко-английский договор (Соглашение Керзон – Сент-Олер от 24 мая 1923 года, приложение 9) в пользу британских подданных в Тунисе, в то время как перед этим его цитировала против нас. Британские подданные в Тунисе сводятся к нескольким сотням мальтийцев, и всё. Как можно проводить честное сравнение между несколькими сотнями мальтийцев и 100 тысячами итальянцев с их учреждениями, интересами, языком, их традициями и вкладом, который они внесли в гражданское возрождение Туниса? Кроме того, мальтийцы не были защищены конвенциями 1896 года, как были защищены итальянские подданные, и, поскольку бей Туниса мог их считать, следовательно, полноценными подданными Тунисского государства, английское правительство скорее предпочло соглашение, по которому они бы считались французскими подданными, чем тунисскими. Таково было соображение (сам Бомарше это сказал Министру Гуарилья в беседе, состоявшейся между ними в Палаццо Фарнезе), по которому Правительство Лондона подписало это соглашение, практическая важность которого в любом случае ограничена.

Относительно статуса итальянцев в Тунисе он подтвердил впечатление, которое он произвел на главу правительства в беседе 22 июля, а именно о том, что продление конвенций 1896 года вовсе не невозможно, при условии, что Италия прямо сейчас заявит, что она через десять лет отступить от своих интересов относительно ситуации итальянцев в Тунисе.

Тунисский вопрос.

Подведем итог самых значительных проблем:

1. *Конвенции 1896 г., называемые также соглашением Аното-Торниелли.* – В то время как в 1896 году истек договор, заключенный между Королевством Италией и беем Туниса (в 1881 г. был тем временем установлен французский «протекторат» над бейским правительством в Тунисе), в Париже между нашим послом Торниелли и французским министром иностранных дел Аното состоялось обсуждение и были заключены три различные конвенции:

- 1-я – Конвенция о торговле и навигации;
- 2-я – Консульская конвенция и конвенция по учреждениям;
- 3-я – Конвенция об экстрадиции.

Это было сразу после битвы при Адуа. Очень трудная для Италии внутренняя и международная ситуация. Конвенции 1896 г. представляли собой большой французский дипломатический успех и жертву со стороны Италии, которой пришлось согласиться, к ее большому сожалению, на компромисс, предложенный министром иностранных дел Аното. Ключевую мысль пактов 1896 года можно коротко сформулировать так: «Италия обязуется не препятствовать фактически созданной Францией ситуации в Тунисе, а Франция гарантирует защиту существующих там итальянских интересов». Конвенции 1896 года не включают, однако, для итальянской стороны никаких отказов от капитулярного режима. Капитулярный режим «приостановлен», не больше. Это то соображение, по которому отмена Конвенций 1896 г. привела бы, в дипломатическом и юридическом аспектах, к возвращению в силу капитулярных гарантий.

Вот почему французскому правительству, несмотря на то, что оно располагает всеми средствами, чтобы проводить при помощи внутренних государственных актов Протектората свою политику по денационализации итальянцев в Тунисе, так важно убрать с дипломатической территории эту неоспоримую позицию права Италии.

2. *Обмен нотами Баррер – Соннино (9 сентября 1918 г.)*. – Конвенции 1896 г. должны были формально оставаться в силе до 1 октября 1905 года, кроме случая обновления по умолчанию. Ни одна из двух сторон не отзывала конвенции до 1918 года. 9 сентября 1918 года посол Баррер направил письмо барону Соннино с тем, чтобы денонсировать первую и вторую конвенции 1896 г., добавив, однако, что указанное денонсирование имело только экономическую цель, потому что Франция после завершения военных действий желала иметь свободу в устройстве своего торгового режима. Посол Баррер объявил кроме того, что, пока не начнутся переговоры по новым соглашениям, конвенции 96 года будут считаться обновляемыми каждые три месяца.

В действительности Франция готовилась еще с кануна перемирия (сентябрь 1918 года) к тому, чтобы начать дискуссию по Тунису на мирной конференции. Она готовилась, но не «посмела» сделать это, даже в упоении достигнутой победой и даже, будучи против Италии в 1919 году. Министр иностранных дел Соннино принял к сведению письмо Баррера, но одновременно принял к сведению заявление Баррера о том, что документ исключал любые «несовременные политические мысли» и что он ссылался исключительно на модификации, которые должны были совершиться в коммерческом и экономическом режиме. Следовательно, в письме Баррера нет ничего такого, из чего можно было бы предполагать о желании французов покуситься в любом случае на существенные права, я бы осмелился даже сказать природные, естественные права итальянцев в Тунисе, более того, нота Баррера ясно исключает это предположение. Нота Баррера, если прочитать ее внимательно, в противоположность нынешним французским интерпретациям является крайне доброжелательной и ободряющей для Италии. Во время мирных переговоров Франция ни разу не говорила о Тунисе и создала тем самым впечатление, что конвенции 96 теперь уже не подлежат обсуждению и что их продление по умолчанию, начавшееся в 1905 году и подтвержденное в 1918 году, может продолжаться неопределенное время. Когда Франция в соглашении Бонин – Пикон 1919 г. предоставила новые льготы итальянцам в Тунисе, она не только не говорила об отмене конвенций 96, но вообще сами эти уступки предполагают существование конвенций 1896 года!

В письме барона Соннино нет ничего (его письмо нужно читать после прочтения письма Баррера, на которое он отвечает) что бы уменьшило прочность итальянской правовой позиции (Приложение 10).

3. *Соглашение Бонин-Пикон от 30 сентября 1919 года*, в котором, как я раньше говорил, в том месте, где ясно говорится о Тунисе, не только нет малейшего упоминания о денонсировании Конвенций 1896 г., сделанном в 1918 году послом Баррером, но более того Франция предоставляет некоторые улучшения, маленькие, но все-таки улучшения, для итальянцев в Тунисе на базе прав, записанных в конвенциях 96 (налоговые льготы, льготы в области

страхования от несчастных случаев и уравнивание в правах частных французских и итальянских школ).

4. *Ситуацию с 1919 по 1927 гг.* можно резюмировать следующим образом: Франция во всех областях, законодательной и политической, интенсифицирует жестокий процесс денационализации итальянцев в Тунисе. Декреты о национальности 1921 и 1923 годов, одобренные французской палатой, которые распространяются и на иностранцев в Тунисе, представляют для нас тяжелый удар. Итальянское правительство постоянно протестует, предпринимая дипломатические шаги и направляя ноты в Париж (особенно начиная с 1923 года). Если фактическое положение итальянцев в Тунисе пошатнулось, то правовая позиция пока еще действует. Конвенции 1896 г. преграждают путь французскому закону. Французское правительство пока еще не осмеливается сделать решающий шаг, то есть превратить Тунис из протектората в колонию. В тот день когда конвенции 1896 года окажутся отмененными, Франция сможет, без страха перед международными протестами, ликвидировать, наконец, тунисский вопрос.

5. *Предложения Бомарше (Приложение 6) по новому статусу итальянцев в Тунисе от декабря 1928 года.* – Глава Правительства его изучил и с ним знаком. Это то, что мы обсуждаем. Итальянцы в Тунисе были бы приведены к тому же статусу, что и иностранцы во Франции и в других французских колониях. Серьезны, потом, мероприятия, касающиеся запрета на выполнение свободной профессиональной деятельности. Это равнозначно разрушению за несколько лет итальянской буржуазии в Тунисе, а именно тех итальянских ячеек, которые сильнее всего сопротивляются французской акции по денационализации. Проводится тяжелейшее давление на школы, то есть на те школы, в которых дается итальянское воспитание и образование. Право преобразования школ в частные практически ничего не дает. С 1896 до 1919 гг., несмотря на постоянные запросы, обращенные к французским властям, не было возможности открыть ни одной частной итальянской школы. Соглашения Бонин – Пикон официально предоставили Италии право открывать частные школы в Италии помимо существующих школ. С 1919 года до настоящего момента, несмотря на такое соглашение и несмотря на любые усилия, не было возможности открыть ни одной частной школы в Тунисе.

6. *Итальянские контрпредложения от 29 июня 1929 года.* – Простое и чистое продление на десять лет конвенций 1896 года.

Заключение. В данном отчете я попытался следовать только ведущей и центральной нити вопроса, нас интересующего, которую можно извлечь из аккуратного анализа досье, очень объемных, при Министерстве иностранных дел. Мне пришлось пренебречь многими деталями, которые, тем не менее, интересны и проливают довольно значительный свет на все переговоры. От меня, однако, ускользнули многие данные, и это, конечно, решающие данные, касающиеся бесед между главой правительства и послом Бомарше в течение 1928 и 1929 годов.

Только глава правительства в состоянии извлечь те заключения, которые соответствуют реальному интересу страны. Только он, будучи синтезом

жизни государства, может судить, стоит ли на данном этапе переговоров настаивать на позициях нашей ноты от 29 июня, навязывая новую стадию переговоров, или же лучше склониться к французским предложениям по оазису Джадо, настаивая на простом и чистом продлении конвенций 1896 г. на десять лет.⁹ Излишне говорить, что любое обязательство, заключенное сегодня с Италией, на тот момент, когда закончится срок действия отсрочки (через десять лет от настоящего момента) разрушит политический эффект самой отсрочки. Она равноценна заявлению об отказе, которое сразу сыграло бы не в нашу пользу, даже если, фактически, его практическое применение наступит только через десять лет.

В самом деле, было бы трудно просить наших соотечественников в Тунисе о жертве, которая заключается в сопротивлении французской акции, когда они с самого начала знают, что эта жертва будет практически бесполезной и что их жребий хотя и отложен, но все равно уже предрешен. Простое и чистое продление на 10 лет оставляет нерешенной фактическую ситуацию и увеличивает, вместо того чтобы ослаблять, нашу надежду.

Путь, который выберет глава правительства, с его непогрешимым чувством реальности, – это тот путь, который наиболее выгоден для Италии.

⁹ В этом случае у меня сложилось впечатление, что Бомарше не чужд тому, чтобы рассмотреть также вопрос о ливийском континенте, изменив в нашу пользу линию границы, установленную франко-британской конвенцией 1919 г. и не признанную нами. В общем, речь может идти о том, чтобы перенести эту линию на прежнюю линию, установленную соглашением Принетти – Баррер 1902 г. В этом случае именно мы поднимаем вопрос о линии Принетти-Баррер, нарушенной французами во франко-британской конвенции 1919 г. Таким образом, мы подошли бы к реализации (остаётся, правда, затем договориться с англичанами, но не будет трудно добиться того, что в вопросе урегулирования границ между Египетским Суданом и Киренаикой ещё предстоит сделать) зоны, которая пусть и не составляет 180 000 км., как утверждают наши колониилисты, но всё-таки простирается шире, чем оазис Джадо, и имеет более конкретную колониальную ценность (коммуникации между оазисом Куфры и Суданом). У меня сложилось впечатление, что Бомарше может отнестись благожелательно к тому, чтобы прийти к соглашению на этой почве (Примечание к документу).